
УКРАИНСКИЙ КРИЗИС 2013—2014 ГГ. И «АРАБСКАЯ ВЕСНА» 2011 Г.: СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЕ

К.П. Курылев

Кафедра теории и истории международных отношений
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

На фоне украинского кризиса 2013—2014 гг. все больше проводится аналогий между событиями на Украине и «арабской весной» 2011 г., говорится о том, что технологии арабской весны пришли на Украину. Так ли это на самом деле? Что общего и чем отличается характер событий в этих странах? Украинский кризис 2013—2014 гг. лишь при очень большом желании можно считать продолжением цепочки так называемых «цветных революций», которые прокатились по разным странам и регионам мира в течение десяти лет. При всем на первый взгляд сходстве украинский кризис видится самостоятельным явлением, вызванным переплетением как внутренних, так и внешних факторов, имевших примерно одинаковое значение, в то время как события «арабской весны» преимущественно формировались на основе внутренних факторов.

Ключевые слова: Украина, украинский кризис, «арабская весна», Тунис, Йемен, Египет, Ливия, Сирия, «цветная революция», международная безопасность, региональная безопасность, национальная безопасность, национальные интересы, геополитическое соперничество.

На фоне украинского кризиса 2013—2014 гг. в российских СМИ, а также у ряда экспертов (А. Манойло [7. С. 1—19], Н. Стариков [19] и др.) стало популярным проводить аналогии между событиями на Украине и «арабской весной» 2011 г. В политическом истеблишменте России раздаются заявления о том, что технологии «арабской весны» пришли на Украину [9]. Более того, «арабская весна» и события на Украине преподносятся как очередные волны так называемых «цветных революций».

Считается, что «цветные революции» — это массовые беспорядки и протесты населения той или иной страны, которые осуществляются при поддержке иностранных неправительственных организаций (НПО) и некоммерческих организаций (НКО) и направлены на ненасильственную смену политического режима.

К «цветным революциям» относят «бульдозерную революцию» в Югославии в 2000 г., «революцию роз» в Грузии в 2003 г., «оранжевую революцию» на Украине в 2004 г., «тюльпановую революцию» в Киргизии в 2005 г. и пр. Нередко в качестве примера приводят «бархатные революции» в Восточной Европе в 1989 г. А теперь еще и «арабскую весну» 2011 г. и украинский кризис 2013—2014 гг. причисляют к феномену «цветной революции».

Данный термин широко вошел в нашу жизнь и активно, к месту и не очень, используется в политическом лексиконе. Однако насколько он удачен? Не уведут ли разговоры о «цветных революциях» в сторону от анализа реальной действительности и осмысления характера перемен? Не сталкиваемся ли мы с искажением объективных процессов? Насколько уместны сравнения ситуаций на Украине,

в Сирии, Ливии, Египте, Йемене, Тунисе? Что общего в том, что произошло в этих странах, и в чем состоит существенное различие? Попробуем ответить на эти вопросы.

Полагаем, что происходящие в тех или иных странах мира протесты и следующая за ними смена власти посредством мягких действий по инерции называются «цветными». В этом качестве они устойчиво ассоциируются в общественном мнении с мирными протестами гражданского общества против власти и ненасильственной сменой правящих режимов. По-прежнему революциям присваиваются уникальные названия и символика. Но эти революционные «бренды» становятся условными и не отражают символического содержания протестных акций [15].

Сам термин «цветная революция» рожден благодаря тому, что протестующие против действующей власти активно практиковали символы своего протеста и широко использовали визуальные атрибуты, призванные выделить их на фоне других и стать символом протеста. В Грузии это была роза, на Украине — оранжевые шарфики и другие вещи в подобной цветовой гамме, в Киргизии — тюльпаны. Это один из 198 методов (19-й — «Ношение символов») ненасильственного сопротивления, представляющий собой широко известную технологию, разработчиком которой является Дж. Шарп [24. С. 71].

Ничего подобного в ходе массовых протестов не было ни в одном из случаев на Ближнем Востоке и в Северной Африке, ни на Украине в 2013—2014 гг. Так, например, нет единого названия для событий 2010—2011 гг. в Тунисе («жасминовая», «финиковая», «голодная», «багетовая») и Египте («дынная», «твиттерная», «курортная», «революция пирамид», «финиковая»). Символическая, коммуникационная составляющая «цветных революций» уступает место классическим уличным выступлениям и уже не играет существенной роли. Термин «цветная революция» превратился в штамп, который тиражируется в экспертном сообществе и мешает пониманию происходящих процессов [15].

Мы не будем спорить с теми исследователями, которые в своих работах отождествляют революции «бархатные» и «цветные». У нас другая исследовательская цель. Но все же отметим.

События 1989 г. в полной мере можно считать революциями, исходя из классического подхода к определению этого явления. Ведь в их ходе действительно произошла смена коммунистических режимов новыми буржуазно-демократическими силами. В какой-то мере общим из того, что прослеживается в «бархатных» и «цветных» революциях, можно считать опору оппозиционных сил на ненасильственное сопротивление как средство борьбы за власть. Главным же отличием является то, что успех бархатных революций был обеспечен в первую очередь не мощью протеста, а благоприятной международной конъюнктурой, которая была вызвана к жизни процессом «перестройки» в СССР, курсом М. Горбачева на «новое мышление» во внешней политике с опорой на общечеловеческие ценности взамен принципа интернационализма и мирного сосуществования. Коммунистические режимы в Восточной Европе, потеряв поддержку Москвы, не могли удержаться у власти без применения силы к оппозиции, но и успешно применить

ее без поддержки Кремля они тоже были не способны. Советский военный фактор играл огромную роль в стабильности местных правительств. Однако в октябре 1989 г. СССР заявил об отказе от использования силы, тем самым отрекшись от «доктрины Брежнева», крепившей единство соцлагеря.

Вернемся, однако, к вопросу о том, являются ли события на Ближнем Востоке и в Северной Африке в 2011 г. и на Украине в 2013—2014 гг. «цветными революциями». По нашему мнению, к «цветным революциям» следует отнести события в Грузии в 2003 г., на Украине в 2004 г. и отчасти в Киргизии в 2005 г. Последний раз настоящие «цветные технологии» наблюдались разве что в Таиланде в 2009 г. во время «революции красных рубашек».

Именно «оранжевая революция» на Украине в 2004 г. является своего рода эталоном всех цветных революций. Однако повторения «оранжевой революции» в том виде, в котором она осталась в общественном восприятии и которой ждали в других странах постсоветского пространства, не произошло. Фирменный стиль цветных революций, выполнявший функцию их идентификации для мирового сообщества, перестал использоваться в протесте, структура которого изменилась. Усилилось применение новых социальных ускорителей информации, таких как Facebook и Twitter, но все они используются для координации силовых акций [15].

Есть и другие моменты, не позволяющие нам в полной мере согласиться с тем, что «арабская весна» и события на Украине являются оригинальными «цветными революциями». И так, как отмечалось выше, основной признак «цветной революции» — использование методов ненасильственного сопротивления. Очевидно, что в Грузии в 2003 г., на Украине в 2004 г. власть в лице Э. Шеварднадзе и Л. Кучмы вынуждена была уступить протестующим массам, применявшим методы ненасильственного сопротивления. А вот в Киргизии в 2005 г. говорить о реализации подобного сценария приходится уже с натяжкой. В памяти массовые погромы и жертвы. А в соседнем Узбекистане в городе Андижан в том же 2005 г. приготовившихся ненасильственно протестовать вооруженных автоматическим оружием «цветных революционеров» просто расстреляли из пулеметов.

Что касается событий в Ливии и Сирии, то они лишь при необъективном анализе могут расцениваться как порождение «арабской весны», обрушившейся в 2011 г. на регион Ближнего Востока и Северной Африки. Основной движущей силой мирных по своему характеру демонстраций была молодежь, организовавшаяся с помощью социальных сетей. От Туниса и Египта волна протеста захлестнула другие арабские страны с авторитарными режимами. Среди них были и Ливия с Сирией. Но особенность ливийской и сирийской трагедий состояла в том, что в этих двух арабских странах с самого начала демонстрации превратились в очаги вооруженных действий против сил правопорядка и армии. О каком ненасильственном сопротивлении в данном случае может идти речь?

Вообще на постсоветском пространстве переход к «классическим» революциям с характерным для них социальным и политическим насилием стал происходить начиная с неудавшейся «васильковой» революции в Белоруссии 2006 г. Вяло прошла «абрикосовая» революция 2008 г. в Армении. Революция в Молдавии в 2009 г. уже не имела ясной символической маркировки, а вторая революция

в Киргизии в 2010 г. со всей очевидностью обозначила тенденцию к отказу от мирного противостояния с властью. Столкновениями с силами правопорядка закончилась и попытка «белоленточной» революции в России в 2012 г. [15].

Продолжим рассматривать терминологический аппарат исследуемой проблемы. Обратимся прежде всего к самому слову «революция». Попытка подогнать любой переворот, любое отстранение от власти лидера, произошедшее в результате протестных усилий оппозиции, под определение «революция» видится нам неверной, поскольку подобное использование термина «революция» девальвирует его содержание. Обратимся к классикам марксизма-ленинизма.

По К. Марксу, «на известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением последних — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке...» [8. С. 7].

В свою очередь, как подчеркивал В.И. Ленин, «переход государственной власти из рук одного в руки другого класса — есть первый, главный, основной признак революции как в строго научном, так и в практически-политическом значении этого понятия» [6. С. 133].

«Цветные революции», где бы они ни происходили, демонстрируют нам, что их организаторы делают акцент на символику. Но символика больше относится к технологиям социально-политической борьбы, чем к ее сущностным характеристикам. Такое упрощение неслучайно. Все, что было представлено как «революция роз» в Грузии, «оранжевая революция» на Украине, «тюльпановая революция» в Киргизии и т.д., имеет отношение лишь к внешней форме, а не к сущности процессов. Уже сама по себе подобная презентация событий демонстрирует, что они не являются подлинными революциями [12].

В чем же причина того, что происходит подобная подмена понятий? Очевидно, в стремлении сил, реализующих сценарий «цветной революции», скрыть, что «цветной революцией» они именуют рядовой государственный переворот. Ведь что произошло в 2003 г. в Грузии в результате отстранения от власти президента Э. Шеварднадзе? Его сменил М. Саакашвили: его, так сказать, «двойник». На Украине в результате «оранжевой революции»? К власти пришел альтер эго бывшего президента Л. Кучмы — В. Ющенко. В Киргизии в 2005 г. в результате отстранения от власти президента А. Акаева ему на смену пришел его последователь К. Бакиев. Иными словами, события в СНГ в 2000-х гг. относятся к своеобразным «верхушечным» государственным переворотам, прикрываемым ярлыками «революций». Они являются борьбой за власть внутри правящей группировки. Массы же привлекаются лишь для того, чтобы обеспечить переход власти из рук одних представителей действующего политического истеблишмента в руки других [12].

Таким образом, в середине 2000-х гг. казалось, что «цветные революции» стали основной технологией установления нового мирового порядка. Такое впе-

чатление сложилось благодаря исходному тезису, превратившемуся в устойчивый стереотип о ненасильственном характере революций. «Цветные революции» во многом продолжают восприниматься как воплощение надежды на то, что политические противоречия внутри стран можно решать мирными средствами. Именно на этом и основана популярность технологий Дж. Шарпа. С одной стороны, мы встречаем отсутствие критического мышления и почти религиозное преклонение перед формой при непонимании содержания, а с другой — нежелание за последствиями революций видеть их причины. В результате для всех субъектов политических процессов технология революций становится препятствием к пониманию реальной сущности процессов [15].

Обратимся к сущности таких явлений, как «цветная революция» и «арабская весна». К факторам, породившим эти явления, традиционно относят следующие: кризис государственной власти, при которой государство воспринимается всем обществом как неэффективное и несправедливое; раскол политической верхушки, социально-экономический кризис и обнищание широких слоев населения; союз части элит и народных масс в их противостоянии с государственной властью; наличие оппозиционной идеологии и внешнего влияния [16. С. 35—36].

Если рассмотреть все революционные события последнего десятилетия сквозь призму подобных факторов, то многое станет понятно с точки зрения сходства и различия таких явлений, как украинский кризис 2013—2014 гг. и «арабская весна» 2011 г.

В Грузии в 2003 г. и в Киргизии в 2005 г. социально-экономическое положение накануне «революции роз» и «тюльпановой революции» было катастрофическим. ВВП Грузии в 2003 г. составлял 4 млрд долларов, или 874 доллара на душу населения [1], а в Киргизии в 2005 г. — 2,5 млрд долларов, или 488 долларов на душу населения [2]. Зато Украина в течение нескольких лет перед «оранжевой революцией» имела один из наиболее высоких в СНГ экономический рост, составлявший 12—14% в год, а ВВП Украины в 2004 г. составлял 64 млрд долларов, или 1367 долларов на душу населения [3]. Этот рост сформировал многочисленный украинский средний класс, пробудил к жизни его политические амбиции и повысил притязания украинского общества [12. С. 36].

Таким образом, как видно только в двух случаях из трех, на пространстве СНГ в 2000-е гг. экономические проблемы породили протест, вылившийся в смещение действовавших политических лидеров. Что касается выбившейся из общего ряда «цветных революций» Украины, то в ходе событий 2004 г. там произошел бунт миллионеров против миллиардеров.

Что касается «арабской весны». Как отмечает А.В. Коротаев, «никакой экономической стагнации в арабском мире перед началом «арабской весны» не было. Если посмотреть рост ВВП стран арабского мира до начала «арабской весны», то увидим, что за первое десятилетие нашего века ВВП вырос на 50% и более. Для сравнения: в США и в Западной Европе рост был 10—12%. То есть арабские страны развивались раз в пять быстрее, чем страны Запада. Экономическая стагнация началась с началом «арабской весны» [5].

Если говорить об украинском кризисе 2014 г., то видно, что среднедушевой показатель экономического благосостояния населения в 5—6 раз отстает от развитых стран и является одним из самых низких в Европе. По данным *Global Wealth* 2010 г., Украина по уровню благосостояния граждан занимает предпоследнее место среди 40 европейских стран, а среднее состояние гражданина Украины составляет 2,7 тыс. долл. Украинцы беднее белорусов (6 тыс. долл.), русских (10 тыс. долл.), поляков (28,6 тыс. долл.) [25. С. 13].

В мировом рейтинге нищеты Украина заняла 21-е место среди 135 стран, поскольку лишь 5,8% населения были признаны нищими. Что касается бедности по доходам, то, по расчетам Программы развития ООН, удельный вес населения, живущего в условиях ниже уровня бедности, 19,5% в 2007 г. По оценке ООН, 78% украинцев живут за чертой бедности, их потребительская корзина меньше признанной в мире черты бедности — 17 долл. в день [26. С. 314] (рис. 1).

Согласно исследованиям, проведенным среди 24 европейских государств, Украина занимает 23-е место по семейным доходам. Средняя заработная плата штатного работника предприятий, учреждений и организаций в октябре 2010 г. составила 2322 грн., что в 2,6 раза выше уровня минимальной зарплаты и прожиточного минимума на одно трудоспособное лицо (907 грн.). А это является ярким свидетельством низкого уровня зарплаты [27. С. 316].

Заробітна плата у 2011 р.

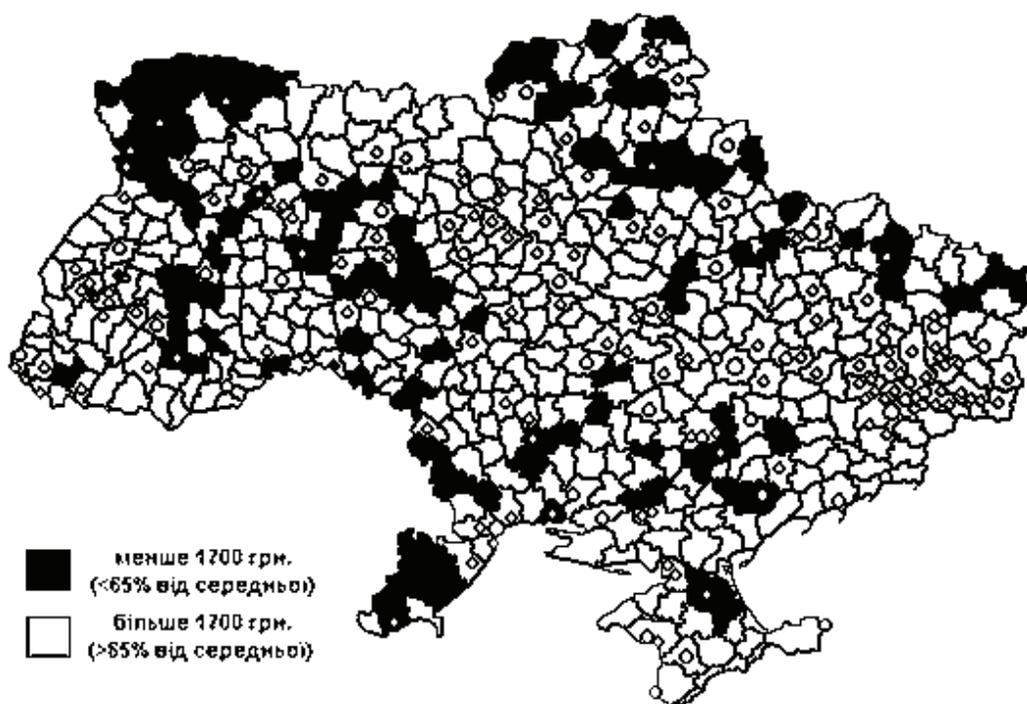


Рис. 1. Административные единицы с очень низкими зарплатами, менее 1700 грн. [7]

Обратим внимание на приведенную карту Украины. Примечательным здесь является ряд моментов. Первый состоит в том, что на территориях с зарплатой ниже средней живет почти 80% населения Украины. Второй заключается в том, что в 22 украинских областных центрах из 26 зарплата ниже среднего. Наконец, наиболее остро бедность на Украине проявляется в западных регионах, которые в наименьшей степени индустриализированы. Там особенно сильны оппозиционные настроения, связанные со стремлением к евроинтеграции, которая видится средством преодоления отсталости и бедности. Повторяется опыт давно ставших членами ЕС соседей. Очевидно, что подобная социально-экономическая неустойчивость на фоне пропаганды «жить как в Европе» в значительной степени обусловила рост популярности и поддержки среди украинцев, особенно молодежи, «европейского выбора». События «оранжевой революции» 2004—2005 гг. и современная трагедия на Украине со всей очевидностью подтвердили подобный расклад. Об этом говорит хотя бы состав погибших на Евромайдане в Киеве. Анализ данных мортиролога проливает свет на содержание этих событий. Он свидетельствует не только об этноконфессиональных, но и социально-экономических истоках происходящей на Украине турбулентности [18. С. 179].

Далее. Когда ищут и находят общие черты «цветных революций» нашего времени, многие исследователи традиционно обращаются к показателю коррупции в стране. Однако данные по развитию коррупции в мире, представленные *Transparency International*, свидетельствуют об ином. В 2003 г. Грузия занимала 127-е место в мире по этому показателю, находясь между Камеруном и Таджикистаном [28]. Тем не менее никаких революций в этих странах не было, несмотря на непростую социально-экономическую ситуацию. Украина накануне «оранжевой революции» 2004 г. занимала 128-е место в мире по развитию коррупции, уступая недавно пережившей «цветную революцию» Киргизии, а также Нигеру [29]. Возьмем данные по уровню коррупции в мире за 2005 г. и увидим, что Киргизия занимала 134-е место, находясь между недавно пережившей «цветную революцию» и смену политического режима Грузией и Папуа — Новой Гвинеей [30].

Что касается «арабской весны» 2011 г., то роль фактора коррупции властей как протестного стимула раскрывает А.В. Коротчаев. Он обращает внимание на «коррупционную» карту мира накануне «арабской весны», представленную *Transparency International*, на которой арабские страны, пораженные коррупцией, окрашены в неприятные темные тона. (Страны, пережившие потрясения в 2011 г.: Тунис — 79-е место, Египет — 112-е, Йемен — 164-е, Ливия — 168-е, Сирия — 129-е. Другие страны региона Ближнего и Среднего Востока и мира: Иордания — 56-е место, Израиль — 36-е, ОАЭ — 28-е, США — 26-е, Индия — 95-е. — *Прим. авт.*) При этом видно, что почти весь мир тем же цветом закрашен. На самом деле скорее отсутствие в стране коррупции необычная вещь [5].

Наконец, современный украинский кризис. Он также подтверждает сказанное выше. По данным *Transparency International*, уровень коррупции на Украине в 2013 г. был таков, что страна занимала 144-е место в мире, находясь между Папуа — Новой Гвинеей и Гвинеей [31].

Таким образом, уровень коррупции не является основным фактором, влияющим на складывание «революционной ситуации» в той или иной стране. Если бы высокий уровень коррупции был причиной для начала революции, то революцией должны быть охвачены большинство стран мира.

Следующий фактор, часто приводящийся как доказательство наличия оснований для «цветной революции», — это безработица. Возьмем некоторые данные. Так, например, в Грузии в 2003 г. уровень безработицы составлял 11,5% [10]. На Украине в преддверии «оранжевой революции» 2004 г. безработица среди населения составляла 9,2% [23]. В Киргизии накануне «тюльпановой революции» 2005 г. безработица была около 8% [17].

О странах, переживших «арабскую весну», А.В. Коротаев говорит следующее: «если сравнивать с другими странами, то в Египте накануне революции безработица была меньше, чем в США, в ЕС. Общая тенденция была такова, что после начала экономических реформ 2004—2005 гг. уровень безработицы снижался. В годы кризиса чуть вырос, но совсем немного. А вот после „арабской весны“ безработица во всем арабском мире выросла. Сейчас „арабская весна“ скорее причина высокой безработицы в арабском мире, чем наоборот» [5].

И действительно, согласно данным 2010 г. в Тунисе безработица составляла 14%, в Египте — 9,7%, в Йемене — 35%, в Ливии — 30%, в Сирии — 8,3% [22].

Наконец, на Украине в 2013 г. уровень безработицы составлял 7,7% [21].

Очевидно, что традиционные факторы, используемые для объяснения причин «арабской весны», неприменимы к событиям на Украине. Не обязательно, чтобы смена режима была связана с обострением выше обычного нужды и бедствий народных масс. В ходе «арабской весны» хорошо видно, что «революция» произошла не из-за того, что народ обнищал. Страны, пережившие «арабскую весну», находились на подъеме, никакого кризиса не было, и вдруг взрыв произошел в ходе этого подъема.

А вот что действительно сближает столь разные события, как украинский кризис 2013—2014 гг. и «арабскую весну» 2011 г., так это активное использование участниками протеста социальных сетей. Обращение к ИКТ в ходе переворотов стало возможным именно сегодня, поскольку и Facebook, и Twitter в середине 2000-х гг. только появились и начинали завоевывать мир. Поэтому в ходе «цветных революций» в Грузии, на Украине и в Киргизии такие технологии не применялись. По-иному развивалась ситуация в ходе «арабской весны».

В наши дни Интернет уже не просто глобальная социальная сеть, но инструмент, воздействующий на формирование взглядов тех, кто его активно использует. Информация из социальных сетей сыграла важную роль и в событиях «арабской весны». В странах региона, охваченных протестами, активисты использовали социальные сети в качестве средства выражения недовольства против правящего режима. Протестующие применяли Facebook для самоорганизации, Twitter — для распространения информации, а YouTube — чтобы информировать международную общественность о происходящем. В результате такие понятия, как «твиттер-революция» и «революция через социальные сети» вошли в политический лексикон.

Вместе с тем заметим, что постепенно эйфория у пропагандистов, призывающих использовать ИКТ в ходе переворотов, проходит. Общая позиция экспертных кругов в России и на Западе сводится к тому, что социальные сети все же не сыграли ведущей роли в «арабской весне», они не были доминирующим каналом коммуникации оппозиционных сил и участников протестов. Тем не менее они частично придали событиям в арабских странах ту скорость и динамику, которая застала врасплох их оппонентов — правительства и поддерживающие их силы [4].

Ведь социальные сети являются ничем иным, как инструментом для организации масс и средством организации протеста, в то время как источником являются конкретные движения и организации. Можно даже утверждать, что социальные сети не сыграли принципиальной и самостоятельной роли в развитии событий «арабской весны».

Как отмечает О.В. Демидов, «протестная деятельность по отношению к социальным сетевым сервисам носила преимущественно самодостаточный и независимый характер, обратное же утверждение неверно. События «арабской весны» дают несколько важнейших оснований для подобного вывода. Протестная активность онлайн и реальные уличные действия, сформировавшие революцию, разнятся по пику своей активности и не полностью совпадают во времени. Протесты были и там, где активность в социальных сетях была близка к нулевой. Социальные сети не были ни единственным, ни даже ключевым средством коммуникации и координации действий повстанцев. При этом, однако, они были основным средством популяризации их движений и публичного контакта с внешним миром, в отличие от спутникового телевидения, мобильной связи, СМС и остальных площадок коммуникации» [4].

Что касается украинского кризиса 2013—2014 гг., то он также ознаменовался использованием ИКТ. Помимо разгоревшегося на Украине вооруженного конфликта, в стране идет и другая война: в ней участвуют СМИ и социальные сети, которые использует в своих целях каждая из сторон. «Битва повествований» — так можно охарактеризовать происходящее. Как отмечалось на ежегодной конференции *Global Media Forum*, с момента начала украинского кризиса в стране резко возросло влияние социальных сетей [23].

Заметим, что на Украине соцсети играют не просто роль «вечевого колокола», мобилизующего людей на протестные мероприятия, но и радикализатора их убеждений, провоцирующего рост национализма и иных форм нетерпимости. Украина сегодня пожинает плоды крайней степени манипулятивного вовлечения населения в большую игру социальных сетевых сервисов. По мнению С. Тихонова, «сегодняшняя ситуация на Украине — это пример деструктивного воздействия соцсетей на общество, который зашел наиболее далеко в стимулировании ненависти людей друг к другу. Если посмотреть на историю становления националистических организаций, то увидим, что их формирование также происходило под сильным влиянием социальных интернет-медиа. „Правый сектор“ все свои активные действия организывает через Facebook. Там же проходили обсуждения экстремистских высказываний членов этого формирования в группах по интере-

сам. В итоге градус ненависти „западенцев“ к пророссийскому востоку и югу страны стал настолько высок, что для запала достаточно было любого информационного повода» [20].

Таким образом, социальные медиа, как и другие продукты ИКТ, сами по себе не являются и не могут являться источником и причиной социальных волнений, протестов и тем более переворотов и революций. Более того, социальные сети еще даже не оформились и в качестве негосударственных акторов, подобным ТНК.

В заключение обратимся к наиболее любимой отечественным экспертным сообществом стороне изучаемого нами вопроса — к роли внешнего фактора в событиях «арабской весны» 2011 г. и украинском кризисе. То, что США являются их режиссером, стало в наши дни своего рода «Капитаном Очевидностью».

Факт участия США в событиях на Украине не требует особого подтверждения, ибо, как говорил один советский государственный деятель, «признание — царица доказательств». А признание со стороны высокопоставленных представителей Госдепа США как раз прозвучало [11]. Однако факт участия внешних сил в событиях «арабской весны» не является столь же бесспорным. На этом и остановимся в данной статье.

Как отмечает Е.М. Примаков, «выводы о том, что „арабскую весну“ подготовили и организовали США или их союзники по НАТО, являются примитивными. Эта революционная волна против авторитарных режимов была внутренним процессом. Но США и их союзники попытались оседлать эту волну, чтобы убрать те режимы, которые мешают осуществлению их политики на Ближнем Востоке» [13].

Действительно, версия о наличии в «арабской весне» элемента управляемости и координации ее событий из США не выдерживает критики. Первая официальная реакция американского руководства на события в Тунисе и Египте продемонстрировала его растерянность и склонность к осторожной, выжидательной тактике. Поначалу администрация Б. Обамы выражала поддержку Президенту Египта Х. Мубарака как стратегического партнера США в регионе. Этот пример весьма показателен на фоне того, что события «арабской весны» не состоялись или не достигли цели в тех государствах, свержение режимов в которых в наибольшей степени отвечает интересам США (в Сирии или Иране), но поставили под удар многие ключевые интересы Вашингтона на Ближнем Востоке и в Северной Африке.

По мнению О.В. Демидова, после «арабской весны» «общим для арабского мира итогом стал прорыв наружу аккумулированного за предыдущее десятилетие антиамериканизма и антивестернизма. Белый Дом находится в незавидной ситуации. Таким образом, тезис о причастности США к «арабской весне» лишен серьезных оснований, хотя и вполне справедливо фиксирует острый интерес Вашингтона к возможности осуществления подобных трансформаций в управляемом режиме [4].

Подобные оценки событий «арабской весны» справедливы. США и их союзники не являлись ее организаторами. Свергнутые в ходе протестов в Тунисе

и Египте правители Бен Али и Хосни Мубарак совершенно устраивали США, поскольку поддерживали Вашингтон в его борьбе с терроризмом. Но авторитаризм местных режимов, отсутствие свобод, рост численности безработной образованной молодежи, концентрация ее в крупных городах, диктат одного лица — все это и породило революционную волну. Убедившись в неспособности ее остановить, США решили поддержать протестующих и новые власти. А, например, в Бахрейне, где размещен Пятый флот США, демонстрантов усмиряют солдаты и полицейские, введенные из Саудовской Аравии и ОАЭ, что, по мнению Е.М. Примакова, «не могло быть сделано без согласия Вашингтона. В Ливии США тоже предпочли „не светиться“ — при провоцирующей роли бывшего французского президента Н. Саркози вооруженные действия предприняла НАТО, а американцы, поддержав эти действия, отозвали свою авиацию» [14].

Таким образом, украинский кризис 2013—2014 гг. и события, именуемые «арабской весной», представляют собой явления разного рода — как по содержанию, так и по последствиям. Госпереворот на Украине произошел в результате сочетания ряда факторов. Этноконфессиональное разнообразие, исторически сложившееся на Украине, приняло форму внутреннего разобщения. Оно несет в себе хроническую политическую нестабильность, ведет к росту межнациональной розни и в итоге расшатывает государство. Наряду с этим перманентную внутривнутриполитическую нестабильность в украинском обществе поощряет и глубокая экономическая отсталость. Ведь на Украине за годы независимости, в отличие от стран, переживших «арабскую весну», модернизация так и не была начата. По сути, Украина все годы после распада СССР жила за счет его наследства, которое ныне исчерпано. К прочим факторам следует отнести отсутствие опыта государственного строительства, засилье олигархических кланов и их борьбу между собой, вмешательство внешних сил. Следствием сочетания подобных факторов стал не просто переворот, но и старт процесса геополитической декомпозиции современной Украины, который получил начало в Крыму и был продолжен созданием Донецкой и Луганской Народных Республик.

Что касается «арабской весны», то ее причины видятся нам иными. Прежде чем их обозначить, отметим, что некорректно относить к этим событиям трагедию, переживаемую народами Ливии и Сирии, на территории которых фактически идет гражданская война. К факторам же, которые породили «революционные» события в Тунисе, Египте и Йемене, отнесем демографический взрыв в странах региона, следствием чего стал рост численности безработной молодежи, ее сосредоточение в крупных городах, радикализацию настроений в этой среде, повышение цен на продукты питания. Как известно, накануне «арабской весны» наблюдался глобальный мировой рост цен на продовольствие.

При подобном наборе разных исходных данных у «арабской весны» и украинского кризиса было бесспорно одно общее — по своей сути это государственные перевороты, не имеющие никакого отношения к такому явлению, как «революция». Даже определение «цветная революция» к этим событиям следует применять избирательно.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] ВВП Грузии в 1990—2012. URL: http://be5.biz/makroekonomika/gdp/gdp_georgia.html.
- [2] ВВП Кыргызстана в 1990—2012. URL: http://be5.biz/makroekonomika/gdp/gdp_kyrgyzstan.html.
- [3] ВВП Украины в 1990—2012. URL: http://be5.biz/makroekonomika/gdp/gdp_ukraine.html.
- [4] Демидов О.В. Социальные сетевые сервисы в контексте международной и национальной безопасности // *Индекс Безопасности*, 2013. — № 1 (104). URL: http://www.pircenter.org/kosdata/page_doc/p2714_1.pdf.
- [5] Кортаев А.В. «Арабская весна». Стенограмма лекции в рамках «Дня Вышки» 10 сентября 2013 г. URL: http://polit.ru/article/2013/11/10/arabskaya_vesna.
- [6] Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М., 1975. Т. 31. — С. 133.
- [7] Маноило А.В. «Цветные революции» и технологии демонтажа политических режимов // *Международные отношения*, 2015. — № 1. — С. 1—19.
- [8] Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. М., 1955. Т. 13. — С. 7.
- [9] Министр обороны РФ рассказал, что в Украине был реализован сценарий «арабской весны». URL: <http://hronika.info/rossija/18373-ministr-oborony-rf-rasskazal-cto-v-ukraine-byt-realizovan-scenarij-arabskoj-vesny.html>.
- [10] Мкртчян С. Издан статистический сборник «Рынок труда Грузии 1998—2003 гг.». URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/66838>.
- [11] Нуланд: США вложили в Украину 5 миллиардов долларов. URL: <http://actualcomment.ru/news/57953>.
- [12] Парфенов Д.А. Подлинные революции и так называемые «цветные»: разбор полетов. URL: http://kprf.ru/rus_soc/108833.html.
- [13] Примаков Е.М. «Арабскую весну» готовили не США или НАТО. URL: http://russiancouncil.ru/inner/index.php?id_4=583#top.
- [14] Примаков Е.М. Ближневосточный курс России: исторические этапы. URL: <http://www.ru.journal-neo.com/node/120225>.
- [15] Родькин П. Цветные революции больше не являются ненасильственными. URL: <http://www.prdesign.ru/text/2014/colourrevolution.html>.
- [16] Соловей В. «Цветные революции» и Россия» // *Comparative Politics*, 2011. — № 1. — С. 35—36.
- [17] Социальные тенденции Кыргызской Республики в 2005 г. URL: <http://www.stat.kg/rus1/Home/analysis.html>.
- [18] Станис Д.В., Курyleв К.П. Влияние социально-экономической ситуации на Украине на ее внутривнутриполитическую нестабильность // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота, 2014. — № 7. — Ч. 1. — С. 178—182.
- [19] Стариков Н. Как делаются революции — анализируем «их» методичку. URL: <http://nstarikov.livejournal.com/1383636.html>.
- [20] Тихонов С. Катализатор ненависти. URL: <http://expert.ru/2014/02/21/katalizator-nenavisti>.
- [21] Уровень безработицы в Украине с 2000 по 2014 гг. URL: <http://index.minfin.com.ua/people/unemploy.php>.
- [22] Уровень безработицы в странах мира. URL: <http://iformatsiya.ru/tab1/569-uroven-bezraboticy-v-stranax-mira.html>.
- [23] Филатова И. GMF-2014: Социальные сети на Украине — верные друзья или дезинформаторы? URL: <http://www.dw.de/gmf-2014-социальные-сети-на-украине-верные-друзья-или-дезинформаторы/a-17756761>.
- [24] Шарп Дж. Методы ненасильственных действий. Приложение к книге «От диктатуры к демократии. Стратегия и тактика освобождения». М., 2012. — С. 71.

- [25] Людський розвиток в Україні: мінімізація соціальних ризиків / За ред. Е.М. Лібанової. — К., 2010.
- [26] Чорна І.О. Причини відсталості України від європейських країн у питаннях страхового захисту майна громадян // Формування ринкової економіки: зб. наук. праць. — 2012. — С. 312—319.
- [27] Науковий вісник НЛТУ України. — 2011. — Вип. 21.34. Економіка, планування і управління галузі.
- [28] Corruption Perceptions Index 2003. URL: http://www.transparency.org/research/cpi/cpi_2003.
- [29] Corruption Perceptions Index 2004. URL: http://www.transparency.org/research/cpi/cpi_2004.
- [30] Corruption Perceptions Index 2005. URL: http://www.transparency.org/research/cpi/cpi_2005.
- [31] Corruption Perceptions Index 2013. URL: <http://cpi.transparency.org/cpi2013/results>.

THE UKRAINIAN CRISIS OF 2013—2014 AND THE “ARAB SPRING” OF 2011: THE COMMON AND THE DIFFERENT

K.P. Kurylev

Theory and History of International Relations Chair
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

On the background of the Ukrainian crisis of 2013—2014 one makes more comparisons between the events in Ukraine and the “Arab spring” of 2011, says that the technologies of the “Arab spring” came to Ukraine. Is that really so? What are the common and the different factors of the events in these countries? The author of the article considers that the Ukrainian crisis of 2013—2014 can be regarded as a link in the chain of the so-called color revolutions in the different countries and regions of the world during the 2000s—2010s only by a long stretch of the imagination. Despite the formal resemblance the Ukrainian crisis seems to be an independent phenomenon, caused by the entwinement of the internal and external factors; both were of great importance. But the events of the “Arab spring” were mainly formed on the basis of the internal factors.

Key words: Ukraine, the Ukrainian crisis, Arab Spring, Tunisia, Yemen, Egypt, Libya, Syria, color revolution, international security, regional security, national security, national interests and geopolitical rivalry.

REFERENCES

- [1] VVP Gruzii v 1990—2012. URL: http://be5.biz/makroekonomika/gdp/gdp_georgia.html.
- [2] VVP Kyrgyzstana v 1990—2012. URL: http://be5.biz/makroekonomika/gdp/gdp_kyrgyzstan.html.
- [3] VVP Ukrainy v 1990—2012. URL: http://be5.biz/makroekonomika/gdp/gdp_ukraine.html.
- [4] Demidov O.V. Sotsial'nye setevye servisy v kontekste mezhdunarodnoy i natsional'noy bezopasnosti // Indeks Bezopasnosti, 2013. — № 1 (104). URL: http://www.pircenter.org/kosdata/page_doc/p2714_1.pdf.
- [5] Korotaev A.V. «Arabskaya vesna». Stenogramma leksii v ramkakh «Dnya Vyshki» 10 sentyabrya 2013 g. URL: http://polit.ru/article/2013/11/10/arabskaya_vesna.

- [6] *Lenin V.I.* Polnoe sobranie sochineniy. Moscow, 1975. — T. 31. — P. 133.
- [7] *Manoylo A.V.* Tsvetnye revolyutsii i tekhnologii demontazha politicheskikh rezhimov // *Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2015. — № 1. — P. 1—19.
- [8] *Marks K. i Engel's F.* Sochineniya. Moscow, 1955, T. 13. — P. 7.
- [9] Ministr oborony RF rasskazal, chto v Ukraine byl realizovan stsenariy «Arabskoy vesny». URL: <http://hronika.info/rossija/18373-ministr-oborony-rf-rasskazal-chto-v-ukraine-by-l-realizovan-scenariy-arabskoy-vesny.html>.
- [10] *Mkrtchyan S.* Izdan statisticheskiy sbornik «Rynok truda Gruzii 1998—2003 god». URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/66838>.
- [11] Nuland: SShA vlozhili v Ukrainu 5 milliardov dollarov. URL: <http://actualcomment.ru/news/57953>.
- [12] *Parfenov D.A.* Podlinnye revolyutsii i tak nazyvaemye «tsvetnye»: razbor poletov. URL: http://kprf.ru/rus_soc/108833.html.
- [13] *Primakov E.M.* «Arabskuyu vesnu» gotovili ne SShA ili NATO. URL: http://russiancouncil.ru/inner/index.php?id_4=583#top.
- [14] *Primakov E.M.* Blizhnvestochnyy kurs Rossii: istoricheskie etapy. URL: <http://www.ru.journal-neo.com/node/120225>.
- [15] *Rod'kin P.* Tsvetnye revolyutsii bol'she ne yavlyayutsya nenasil'stvennymi. URL: <http://www.prdesign.ru/text/2014/colourrevolution.html>.
- [16] *Solovey V.* «Tsvetnye revolyutsii» i Rossiya // *Comparative Politics*, 2011. — № 1. — S. 35—36.
- [17] Sotsial'nye tendentsii Kyrgyzskoy Respubliki v 2005 g. URL: <http://www.stat.kg/rus1/Home/analysis.html>.
- [18] *Stanis D.V., Kurylev K.P.* Vliyanie sotsial'no-ekonomicheskoy situatsii na Ukraine na ee vnutripoliticheskuyu nestabil'nost' // *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota, 2014. — № 7. — Ch. 1. — P. 178—182.
- [19] *Starikov N.* Kak delayutsya revolyutsii — analiziruem «ikh» metodichku. URL: <http://nstarikov.livejournal.com/1383636.html>.
- [20] *Tikhonov S.* Katalizator nenavisti. URL: <http://expert.ru/2014/02/21/katalizator-nenavisti>.
- [21] Uroven' bezrobotitsy v Ukraine s 2000 po 2014 gg. URL: <http://index.minfin.com.ua/people/unemploy.php>.
- [22] Uroven' bezrobotitsy v stranakh mira. URL: <http://iformatsiya.ru/tab1/569-uroven-bezroboticy-v-stranax-mira.html>.
- [23] *Filatova I.* GMF-2014: Sotsial'nye seti na Ukraine — vernye druz'ya ili dezinformatory? URL: <http://www.dw.de/gmf-2014-sotsial'nye-seti-na-ukraine-vernye-druz'ya-ili-dezinformatory/a-17756761>.
- [24] *Sharp Dzh.* Metody nenasil'stvennykh deystviy. Prilozhenie k knige «Ot diktatury k demokracji. Strategiya i taktika osvobozhdeniya». Moscow, 2012. — P. 71.
- [25] *Lyuds'kiy rozvitok v Ukraïni: minimizatsiya sotsial'nikh rizikov / Za red. E.M. Libanovoi.* — K., 2010. — 496 p.
- [26] *Chorna I.O.* Prichini vidstalosti Ukraïni vid evropeys'kikh kraïni u pitannyakh strakhovogo zakhistu mayna gromadyan // *Formuvannya rinkovoi ekonomiki: zb. nauk. prats'*. — 2012. — P. 312—319.
- [27] *Naukoviy visnik NLTU Ukraïni.* — 2011. — Vip. 21.34. Ekonomika, planuvannya i upravlinnya galuzi.
- [28] Corruption Perceptions Index 2003. URL: http://www.transparency.org/research/cpi/cpi_2003.
- [29] Corruption Perceptions Index 2004. URL: http://www.transparency.org/research/cpi/cpi_2004.
- [30] Corruption Perceptions Index 2005. URL: http://www.transparency.org/research/cpi/cpi_2005.
- [31] Corruption Perceptions Index 2013. URL: <http://cpi.transparency.org/cpi2013/results>.